

УДК 141.135

Черкозьянова Татьяна Владимировна

кандидат философских наук, заведующая кафедрой философии Оренбургской государственной медицинской академии  
тел.: (987) 852-83-69

Cherkozyanova Tatyana Vladimirovna

PhD in Philosophy, Head of the Department of Philosophy of Orenburg State Medical Academy  
tel.: (987) 852-83-69

## К ВОПРОСУ ВЛИЯНИЯ КОНЦЕПЦИЙ ГНОСТИЦИЗМА НА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СУДЬБЕ

В статье рассмотрен процесс ассимиляции идей гностицизма и их влияние на представления о сущности судьбы. Показана мировоззренческая значимость данного вопроса. Выделены актуальные положения, отражающие структурное содержание взаимодействия творческих, конструктивных сил бытия и их сущностных антагонистов.

**Ключевые слова:** судьба, гностицизм, оккультизм, спиритуализм.

## ON THE INFLUENCE OF CONCEPTS OF GNOSTICISM IN THE CONCEPTIONS OF FATE

This article describes the process of assimilation of the ideas of Gnosticism and their influence on the ideas concerning the nature of fate. The worldview importance of the issue has been presented. Identified relevant provisions reflecting the structural content of interaction of creative, constructive forces of life and their essential antagonists have been emphasized.

**Key words:** fate, Gnosticism, occultism, spiritualism.

Древнеегипетская храмовая традиция, которую можно рассматривать как первичную понятийную структуру знаний, обладала серьёзным потенциалом к развитию философии гностицизма. Здесь впервые в истории человеческой мысли была разработана зрелая теория о возможности реорганизации смыслообразующего контекста духовной реальности, что предусматривало определённую автономность человека по отношению к движущим силам истории.

Древнеегипетские сакральные концепции, ассимилировавшиеся в западноевропейской культуре, сформировались в фундаментальные теории, повлиявшие на мировоззренческие представления. Видится закономерной взаимосвязь между нигилизмом идеологии ряда государств и их повышенным интересом к древнеегипетской истории религии. Наиболее существенный вклад в развитие египтологии, таким образом, внесли Россия, Франция и Германия, которые стали колыбелью революционной антагонистической идеологии. Симбиоз итальянской и немецкой египтологических школ, сформировавших наиболее зрелую философско-религиозную концепцию древнеегипетской культуры, постулировал развитие нацизма. Данная взаимообусловленность говорит о том, что сакральная древнеегипетская традиция понималась мыслителями других культур зачастую односторонне и предполагала абсолютное доминирование волюнтаризма, проявляемое институтом жречества к организации политической власти.

Христианская идеология конституировала положения древнеегипетских теорий в свете демонологических учений. Египтологические идеи, в силу этого, синтезируясь с концепциями античных философов, породили уникальное явление – гностицизм. Несмотря на то, что гностицизм относится к апокрифическим и ересиологическим философско-религиозным системам, он требует тщательного изучения. Как показывает исторический опыт, неконтролируемое распространение подобных культовых теорий привносит в общественное сознание асоциальные умонастроения, обесценивание традиционных религиозно-этических постулатов.

Современная ассимиляция древнеегипетского феномена начинается с того момента, когда Ж.Ф. Шампольон произвёл удачную дешифровку древнеегипетской иероглифической письменности. Это было открытие мирового масштаба в истории европейской науки, которое он описал в «Письмах к г-ну Дасье» 14 сентября 1822 г. Переемниками метода дешифровки Шампольона и его последователями, стали такие представители «старой школы» как И. Росселини (Италия); Р. Лепсиус, Г. Бругш, Г. Эберс (Германия); Э. де Руже, Ф. Шаба (Франция). С 1851 г. начинаются активные археологические исследования, в которых доминирующую роль занимают французские исследователи, такие как О. Мариет, Г. Масперо, А. Морэ и др. Немецкий учёный Э. Мейер и британский исследователь Э.А.У. Бадж работали над фундаментальными философско-историческими концепциями, структурируя менталитет и теоретические основания религии древних египтян. С начала XX в. древнеегипетская традиция ассимилируется в пространстве западноевропейской культуры посредством представителей «новой школы», к числу которых относятся в Германии: Г. Грапов, Г. Кеес, В. Отто, Э. Эдель, В. Хельк и др.; в Велико-

британии: А. Гардинер и его ученики Б. Ганн, Р. Фолкнер, Г. Фэрман, Э. Пит и др.; во Франции П. Лако, Г. Лефевр, Э. Дриотон, Ж. Вандье, Ж. Позенер и др.

До обозначенного периода египтологические концепции вариативно актуализировались в гностических культах. Древнеегипетский прецедент формирует базовые понятия, на которых, в эпоху развития эллинизма, выстраиваются зрелые философские умопостроения концепций судьбы. Подтверждение обозначенным положениям мы видим у М. Элиаде: «Козимо и Фичино были потрясены открытием герменевтических текстов. У них не было никаких оснований сомневаться в том, что в тексте *Corpus hermeticum* открывались слова самого Гермеса Египетского, носителя самого древнего откровения, возникшего раньше Моисея и оказавшего влияние на Пифагора, Платона и даже персидских магов» [3, с. 61-62]. Судьба понимается в неразрывной связи с движущими силами истории общества, народа, государства, а также уникальной жизни отдельного индивида, определённым образом синхронизированного в социокультурном средовом контексте бытия.

Выраженность интеллектуального и личностного превосходства предполагала возможность разидентификации с коллективным сознанием общества, поэтому гностические секты и культы в целом, отличались «закрытым» системным характером. Данные условия позволяли формировать собственный мистический и магический опыт, эмпирически адаптируя доминирующую личность к духовному приоритету. В слабо выраженной социальной организации не сформировалось холистических представлений о единой судьбе членов сообщества, что определило внерефлексивную природу отношения к феномену судьбы. Данный принцип социальных отношений приводит не только к классовому, но и к духовному расслоению сообщества и к выделению из его структуры индивидуально обусловленного магического потенциала отдельных членов.

Отношения между духовными принципами общественной структуры и оккультными практиками индивидуального характера изначально складывались в условиях антагонизма. Натуралистические тенденции гностицизма отрицаются ортодоксальной религиозной идеологией, а развивающееся научное знание служит теологическим целям. Понимание судьбы формируется здесь в двух аспектах. С одной стороны, феномен судьбы интерпретируется в свете провиденциализма; с другой стороны – судьба объясняет негативные тенденции внебожественного бытия. Оба аспекта обозначены спиритуалистическими инсинуациями положительного или отрицательного отношения к учению гностицизма.

Здесь обозначены два типа духовных существ, посредством которых определяется как трансцендентальная, так и имманентная природа духовного бытия. Гностическая традиция утверждала, что «миром правят слуги низшего бога и демонов» [2, с. 36]. Эти идеи активно развивались в теории Марка Мага, последователя Валентина. Им предшествовали представления карпократов. «Оказывается, что мир и всё что в нём, согласно последователям Карпократа, создано ангелами, которые ниже нерожденного отца. Иисус был рожден от Иосифа, как и остальные люди, однако в отличие от остальных, благодаря особо чистой и сильной душе, он мог вспомнить всё то, что видел в той области, в которой обитает Нерожденный Отец. По этой причине к нему была послана сила, благодаря которой он мог избежать власти творцов этого мира. Она свободно прошла через них и спустилась прямо к нему и ему подобным. Они говорят, что он воспитывался по иудейским законам, но презрел их все и смог превозмочь телесные страдания, которые даны человеку, чтобы держать его в страхе перед законом» [2, с. 41].

Учения гностиков рассматривали Дух Христа как путеводную нить, по которой каждая душа должна была пройти самостоятельно, вернувшись в изначальное бытие, в мир чистых божественных идей. «Душа, которая подобна душе Иисуса, в силах отвергнуть творцов-архонтов, получает аналогичную силу и творит то же самое. И поскольку они пришли к тому, что они подобны Иисусу, некоторые из них даже утверждают, что они сильнее его и его учеников, таких как Пётр, Павел и другие апостолы. Их души происходят из той же области, а поэтому также отвергают творцов этого мира, а потому также достойны этой силы и вернутся назад в то же место» [2, с. 41].

Епифаний и Ириной утверждают, что представители гностических сект «славилась своими магическими ухищрениями, заклинаниями, приворотными зельями, праздниками любви..., духами-союзниками, галлюциногенами... и другими злодействами» [2, с. 41]. Но оргии гностиков происходили не из неводержанности, а в силу специфического понимания ими природы человеческой души. Гностическая традиция укоренялась в концепции реинкарнационной сущности человека. По мнению гностиков, человеческая сущность в пределах единственной жизни была способна «изжить» все предначиненные человеку судьбы.

В гностических апокрифах просматривается причудливый симбиоз античного понимания судьбы с христианизированным акцентом. Они принимают догматическую теорию о внебожественном аспекте судьбы и подчиняют бытие человека дьявольским силам, от которых нет спасения через добродетель.

«Противником является один из ангелов и творцов этого мира (по Иринеею он зовётся Дьяволом)... и занимается тем, что приводит души, которые покинули мир, к судье, чтобы он судил их. (Иринеей называется этого ангела Князем). И если они не закончили всё то, что им положено было исполнить, он передаёт эти души другим, служащим ему ангелам, которые заключают их в тела... И душа до тех пор подвержена перевоплощению... пока не совершит все возможные в этом мире прегрешения» [2, с. 43]. Таким образом, гностические культы не только сохраняют основные положения мистериальной культуры, но и формируют новый теоретический и практический уровень её реализации. В соответствии с концепциями гнозиса о спасении индивидуальной души, формируются идеологические принципы чёрных месс, широко распространённых в гозитических культах.

Вне спиритуалистической традиции, понимание судьбы гностиками определялось полностью в пределах её кармического опредмечивания. «Некоторые полагают, что души вселяются в тела через определённые интервалы и занимают в жизни то место, которое они заслужили в прошлом. Некоторые полагают, что души... получают после смерти определённое место, хорошее или плохое, и остаются там» [2, с. 77]. Неоплатоник гностической традиции Ипполит, цитируя Платона, делает вывод: «Судьба правит миром, однако не всё происходит в соответствии с ней, остаётся место и свободной воле... Ответственность несёт принявший решение, Бог не виноват» [2, с. 78]. Рассуждая о проблеме случайно совершённого зла, за которым следует расплата, Ипполит рассматривает наказание как лекарство против болезни зла.

Тертуллиан рассматривает судьбу человечества в эсхатологической традиции. «Смысл конца мировой истории он формулирует в юридических терминах. Близится срок, когда настанет время свести счёты между человеком и Богом, и каждый получит по заслугам, обретя заслуженное воздаяние или понеся столь же заслуженное наказание» [2, с. 87].

Средневековая ортодоксальная философия также как гностицизм, манихейство и другие культовые традиции, вносит в концепцию судьбы человека не только понятие греха, но и идею воздаяния за греховную жизнь и потакание порокам. Особенно ярко это прослеживается на примере отношения к психически больным. В средневековой теологии и философии психические отклонения от нормы определялись как одержимость демоническими сущностями низшего плана. В силу полной дискредитации научных и натуралистических подходов к феномену человека, обозначенные аномалии отчуждались в сферу экзорцистских актов. «Психиатрия средневековья едва ли отличалась от донаучной демонологии, а психиатрическое лечение практически ничем не отличалось от "изгнания духов"... Между средневековой идеей изгнания духов и дохристианской демонологией обнаруживается странное сходство» [1, с. 82-83]. Натуралистическое отношение к объективной реальности стало прерогативой научного знания, но на протяжении длительного периода средневекового мракобесия, оно вело закулисный образ существования. Так, в средневековой традиции сформировались тайные союзы не только гозитического плана, но и натуралистически ориентированного.

Определяя специфику гностического понимания мира и его роли в отношении к человеческой судьбе, можно отметить, что в данных концепциях представления о судьбе размыты. Феномен судьбы подвержен не анализу, а преобразованию. Судьба здесь деперсонифицирована и лишена специфических характеристик организующего начала. Судьба ассимилирована в общем порядке мироздания, наряду с другими феноменами бытия, представляющими для субъекта больший или меньший интерес. Сознание гностика получает не только свободу от условий судьбы, но и определённую власть над судьбой, обусловленную качеством производимых им действий.

В заключение представляется необходимым отметить жизнеспособность гностической идеологии. Она выполняет ту же функцию отрицания ортодоксальных представлений христианства, что и на начальном этапе своего формирования. Кроме того, она органически связана с идеей самовозвеличивания антропологической сущности. «Подобное самовозвышение и обретение достойного статуса ещё более интенсивно достигается в большей части современных так называемых магических и оккультных течений» [4, с. 103].

#### БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Александр Ф., Селесник Ш.* Человек и его душа: познание и врачевание от древности до наших дней. М., 1995.
2. *Афонасин Е.В.* Античный гностицизм. Фрагменты и свидетельства. СПб., 2002.
3. *Элиаде М.* Ностальгия по истокам. М., 2006.
4. *Элиаде М.* Оккультизм, колдовство и моды в культуре. М., 2002.